

Научная статья
УДК 343.123.51(470)

Вадим Сагитьянович Латыпов
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, Vadi-Latypov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3166-8527

СТАТУС ПОКАЗАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье осуществляется комплексный анализ показаний как вида доказательств в российском уголовном процессе. На основе изучения современных научных работ исследуется эволюция признания обвиняемым своей вины от «царицы доказательств» инквизиционного процесса до элемента системы доказательств в состязательной модели. Особое внимание уделяется проблеме обеспечения достоверности и добровольности показаний, полученных на предварительном следствии, и недопустимости злоупотреблений со стороны правоприменителей.

Автор рассматривает критические предложения по реформированию института признания вины, включая идею переквалификации показаний с признанием вины в информационные сведения. Анализируются смежные институты, такие как депонирование доказательств, особенности допроса лиц с когнитивными особенностями, а также разграничение процессов собирания и исследования доказательств.

В работе обосновывается, что современные вызовы, включая цифровизацию и необходимость защиты прав личности, требуют дальнейшего развития доказательственного права в направлении усиления гарантий достоверности показаний и процессуальных механизмов их проверки.

Ключевые слова: показания, доказательства, признание вины, обвиняемый, свидетель, достоверность, допустимость, состязательность, допрос, депонирование доказательств, адвокатское расследование

Для цитирования: Латыпов В. С. Статус показаний в современном российском уголовном процессе // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2026. № 1 (25). С. 58–66.

Original article

Vadim S. Latypov
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, Vadi-Latypov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3166-8527

THE STATUS OF EVIDENCE IN CONTEMPORARY RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of testimony as a type of evidence in a Russian criminal trial. Based on the study of modern scientific works, the evolution of the accused's admission of guilt is investigated from the “queen of evidence” of the inquisition process to an element of the evidence system in the adversarial model. Particular attention is paid to the problem of ensuring the reliability and voluntariness of testimony obtained during the preliminary investigation, and the inadmissibility of abuse by law enforcement officers.

The author considers critical proposals for reforming the institution of admission of guilt, including the idea of reclassifying testimony with a confession of guilt into information. Related institutions are analyzed, such as the deposition of evidence, the features of the interrogation of persons with cognitive characteristics, as well as the differentiation of the processes of collecting and examining evidence.

© Латыпов В. С., 2026

The work proves that modern challenges, including digitalization and the need to protect individual rights, require further development of evidentiary law in the direction of strengthening guarantees of the reliability of testimony and procedural mechanisms for their verification.

Keywords: testimony, evidence, confession of guilt, accused, witness, reliability, admissibility, adversarial, interrogation, deposition of evidence, lawyer investigation

For citation: Latypov V. S. The status of evidence in contemporary Russian criminal proceedings // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2026. No. 1 (25). P. 58–66. (In Russ.)

Введение

Показания участников уголовного судопроизводства традиционно занимают центральное место в системе доказательств, являясь непосредственным источником информации о расследуемом событии. Однако именно этот вид доказательств наиболее подвержен субъективным влияниям, ошибкам восприятия и памяти, а в условиях доминирования обвинительного уклона – прямому давлению и злоупотреблениям. Современный этап развития уголовно-процессуального права России, формально базирующийся на состязательной модели (ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), характеризуется острым доктринальным и практическим противоречием между декларируемым равенством сторон и сохраняющейся «следственной» монополией на формирование доказательственной базы в ходе досудебного производства.

Данное противоречие не является случайным или поверхностным; оно отражает глубинный методологический конфликт между формальной состязательностью и реально доминирующими разыскными началами, определяющими структуру российского уголовного процесса [1]. Современное судопроизводство представляет собой область существующего противоречия между формально закрепленной состязательной идеологией и устойчивыми разыскными (инквизиционными) началами, исторически присущими континентальной модели и сохраняющими доминирующие позиции на досудебных стадиях. В существующей модели российского уголовного процесса досудебное производство остается сферой реализации властной деятельности должностных лиц по собиранию доказательств, где фи-

гура следователя как «хозяина дела» предопределяет асимметрию в возможностях формирования и легитимации доказательственной базы, в том числе и ключевого ее элемента – показаний участников уголовного судопроизводства [2, с. 200]. Таким образом, проблема обеспечения достоверности и допустимости показаний должна рассматриваться не только через призму тактических ошибок или злоупотреблений, но и как конкретное проявление этой фундаментальной двойственности процесса, что требует поиска решений, адекватных его типу [3].

Это противоречие с особой силой проявляется в сфере получения и оценки показаний, прежде всего показаний обвиняемого и подозреваемого. В рамках настоящей статьи предпринята попытка, опираясь на анализ современных научных публикаций, проследить эволюцию статуса показаний, выявить ключевые проблемы, связанные с обеспечением их достоверности и допустимости, и рассмотреть перспективные направления совершенствования процессуальных механизмов работы с этим видом доказательств в условиях сформировавшейся состязательности.

Методы

В основу настоящего исследования положен комплекс общенаучных и частнонаучных методов, применение которых позволило осуществить системный анализ статуса показаний в современном уголовном процессе России. Ведущую роль играл диалектический метод, давший возможность рассмотреть эволюцию доказательственного значения признания вины как процесс преодоления противоречия между исторически сложившимися разыскными началами и формально внедренной состязательной моделью. В рамках историко-право-

вого метода была проанализирована трансформация подхода к признанию вины от исключительного вида доказательств инквизиционного процесса до элемента системы доказательств в современном УПК РФ. Использование формально-логического и сравнительно-правового методов позволило провести критическую оценку предложений по реформированию института показаний, сопоставить концепции депонирования в различных правовых системах и выявить специфику российской процессуальной реальности. Основной эмпирической базой выступил метод системного анализа научной литературы и нормативных источников, который обеспечил целостное осмысление проблем достоверности, допустимости и процессуальных гарантий при получении и проверке показаний в контексте идеологического дуализма современного производства.

Результаты

Исторический анализ, представленный в работе М. А. Корчагина, наглядно демонстрирует радикальную трансформацию роли признания вины. В розыском (инквизиционном) процессе, господствовавшем в России с Соборного уложения 1649 г. вплоть до 1864 г., признание являлось «лучшим свидетельством на свете», своего рода «царицей доказательств» [4, с. 44]. Его получение, часто сопряженное с законными в тот период пытками и психологическим насилием, фактически прекращало производство по делу. Судебная реформа 1864 г. и Устав уголовного судопроизводства 1864 г. ознаменовали переход к состязательной модели, где «если обвиняемый отказывается от дачи показаний, то расследователь должен найти иные средства для достижения истины» [4, с. 44].

В современном российском процессе, согласно ст. 77 УПК РФ, признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении совокупностью других доказательств. Формально это уравнило признание обвиняемым своей вины с иными доказательствами. Однако, как справедливо отмечает М. А. Корчагин, на практике сохраняется «явный приоритет данному виду доказательств среди

других» со стороны некоторых правоприменителей, что порождает злоупотребления и давление на обвиняемого с целью получения «нужных» показаний [4, с. 43]. Это указывает на глубоко укорененный в следственной ментальности инквизиционный подход, когда признание продолжает восприниматься как ключ к быстрому и «успешному» разрешению дела, несмотря на прямое противоречие принципу презумпции невиновности и праву не свидетельствовать против себя (ст. 51 Конституции Российской Федерации).

Критический анализ существующего положения приводит ряд процессуалистов к неоднозначным предложениям. Так, несколько революционной выглядит идея А. С. Барабаша, предлагающего переформулировать п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ таким образом, чтобы доказательствами признавались только показания подозреваемого, обвиняемого, в которых они свидетельствуют о своей невиновности. Признание же вины предлагается рассматривать не как доказательство, а лишь как «информационный источник для проведения иных следственных действий», что, по мнению автора, лишит следователя незаконного интереса в его получении [5, с. 46].

С данной позицией можно согласиться лишь в части, направленной против порочной практики. Однако полное изъятие показаний с признанием вины или кардинальное изменение их статуса игнорирует их потенциальную доказательственную ценность при условии гарантированной добровольности. Признание, особенно детализированное и содержащее информацию, не известную следствию, может быть мощным ориентиром для проверки и установления объективной истины. Проблема заключается не в самом наличии такого доказательства, а в отсутствии эффективных «процессуальных фильтров», отсекающих показания, добытые под давлением. Нормы о недопустимости показаний, данных без защитника (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ), недостаточны на досудебных стадиях, где давление наиболее вероятно.

Представляется, что одним из перспективных механизмов, способных уравнивать

возможности сторон и гарантировать сохранение доказательств, в том числе показаний, в их первоначальном виде, является институт депонирования. Как отмечает М. А. Сильнов, в широком смысле депонирование доказательств можно понимать как «процессуальные средства обеспечения относимости, допустимости и достоверности доказательств в целях их дальнейшего использования» [6, с. 105]. В классическом понимании – это письменное показание под присягой, полученное с соблюдением прав сторон на перекрестный допрос, которое может быть использовано в суде при невозможности последующей явки свидетеля.

Именно институт депонирования показаний представляет особый теоретический и практический интерес в условиях развития состязательного уголовного процесса. Несмотря на отсутствие прямого нормативного закрепления в УПК РФ, дискуссии о целесообразности его имплементации носят оживленный и аргументированный характер. В этой связи целесообразным представляется обращение к сравнительно-правовому анализу законодательных решений отдельных государств постсоветского пространства, где данный инструмент уже нашел свое нормативное закрепление. Так, легальные дефиниции и порядок применения депонирования детализированы в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, ст. 691 Уголовно-процессуального кодекса Эстонии. Особый интерес представляет ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, которая не только закрепляет институт депонирования показаний, но и детально регламентирует его процедуру. Согласно данной норме, депонирование осуществляется по ходатайству стороны или по инициативе суда в ходе судебного заседания с обязательным участием сторон, обеспечивая тем самым право на перекрестный допрос (конфронтацию) в момент фиксации доказательства. Анализ казахстанского опыта наглядно демонстрирует, что введение подобного института в российский процесс неминуемо повлечет за собой не просто пополнение арсенала

следственных действий, но и качественное обогащение процессуальной системы. Это предполагает, во-первых, появление нового процессуального участника – судебного или следственного должностного лица, ответственного за организацию и проведение процедуры депонирования, наделенного четким кругом полномочий по обеспечению прав сторон. Во-вторых, формируется комплекс новых процедурных последовательностей: от возбуждения ходатайства и оценки судом его обоснованности до проведения заседания по фиксации показаний и последующего хранения материалов. Следовательно, рецепция данного института представляет собой целенаправленное усложнение процессуальной формы в интересах достижения более высокого уровня гибкости, эффективности и соответствия международным стандартам справедливого судопроизводства.

При этом нами ранее уже отмечалось, что существующая возможность оглашения показаний по ст. 281 УПК РФ не является аналогом депонирования, так как не обеспечивает право стороны защиты на перекрестный допрос на этапе фиксации показания, превращая его, по сути, в показания «с чужих слов» (hearsay) [7, с. 118].

Однако М. А. Сильнов считает, что успешная имплементация этого института невозможна без глубокого реформирования досудебного производства в сторону реальной состязательности [6, с. 106]. Альтернативой или дополнением могло бы стать расширение полномочий нотариуса в сфере обеспечения доказательств, включая осмотр информации в сети Интернет, что уже отчасти предусмотрено основами законодательства о нотариате [6, с. 106].

Таким образом, успешная имплементация института депонирования показаний возможна лишь в русле предлагаемой стратегии эволюционной конвергенции, направленной не на революционную ломку, а на последовательное формирование законодательно оформленных процедур, сочетающих элементы состязательности с усилением публично-правовых гарантий. Внедряемое под судебным контролем и с обеспечени-

ем права на перекрестный допрос, депонирование способно стать эффективным механизмом фиксации доказательств, нейтрализующим риск изменения или утраты показаний и восполняющим информационную асимметрию сторон. Однако его роль должна определяться не абстрактными принципами заимствованной состязательности, а конкретными задачами обеспечения достоверности доказательств в рамках отечественной следственно-разыскной модели. Только будучи встроенным в систему усиленного судебного контроля и строгих процессуальных формальностей, данный институт сможет выполнять свою основную функцию – служить инструментом объективного установления обстоятельств дела, укрепляя тем самым легитимность правосудия и защиту национального интереса как высшей ценности уголовного судопроизводства.

Однако внедрение депонирования требует тщательной процессуальной регламентации, исключающей его использование как инструмента для «закрепления» показаний, полученных под давлением. Необходимы гарантии своевременного доступа защиты к процедуре и возможности заявления ходатайств о повторном допросе в случае изменения обстоятельств.

Если институт депонирования призван гарантировать сохранность и процессуальную чистоту уже полученных показаний, то не менее важной является задача обеспечения их изначальной достоверности на этапе получения. В этом контексте фундаментальное значение приобретает качество процесса их формирования, что ставит вопрос о разграничении собирания и исследования доказательств.

В этой связи фундаментальное значение имеет работа С. Б. Россинского, посвященная разграничению собирания и исследования доказательств. Автор убедительно доказывает, что это не взаимопоглощающие, а автономные компоненты доказывания. Собирание – это процедурно-накопительная деятельность по юридическому преобразованию информации в допустимые

доказательства (формирование через следственные действия или приобщение готовых объектов). Исследование же – сугубо познавательная (когнитивная) деятельность по восприятию, изучению и анализу содержания доказательств [8, с. 59–61].

Применительно к показаниям это разграничение крайне важно. Допрос как следственное действие представляет собой классический пример интеграции «когнитивности» (исследования – восприятия информации от допрашиваемого) и «ритуальности» (собирания – оформления протокола). Однако в реальности дознаватель или следователь часто вынуждены исследовать уже собранные доказательства (например, протоколы допросов, проведенных коллегами, заключения экспертов). В суде же исследование доказательств, в том числе показаний, через их оглашение, допрос подсудимого, свидетелей является центральным компонентом судебного следствия (ст. 240, 274, 275 УПК РФ) [8, с. 62]. Таким образом, качество первоначального «исследования» в ходе допроса предопределяет доказательственную ценность «собранного» протокола. Недостатки тактики, психологическая некомпетентность, игнорирование особенностей личности допрашиваемого на этапе собирания не могут быть в полной мере компенсированы на стадии последующего судебного исследования.

При этом вопрос качества «исследования» в ходе допроса становится критическим при работе с лицами, имеющими возрастные когнитивные изменения. Исследование Л. В. Бертовского восполняет существенный пробел в научной доктрине, обращаясь к особенностям допроса лиц старших возрастных групп (от 75 лет и выше). Особую актуальность данная возрастная группа приобретает в современных реалиях, когда «целевой аудиторией» интернет-мошенников являются лица данной возрастной группы. Автор констатирует, что, в отличие от несовершеннолетних, процессуальный закон практически не содержит специальных гарантий для пожилых участников процесса, хотя объективные психофизиологические

изменения (снижение скорости обработки информации, ухудшение эпизодической памяти, сужение внимания, возможные речевые расстройства вроде амнестической афазии) серьезно влияют на полноту и точность их показаний [9, с. 1103–1104, 1113].

Л. В. Бертовский предлагает комплекс тактических рекомендаций: тщательное изучение личности и состояния здоровья; выбор времени и места допроса (предпочтительно утренние часы, по месту пребывания); ограничение продолжительности (не более часа без перерыва); привлечение специалиста-геронтопсихолога; обеспечение участия законного представителя (при необходимости – опеки) и адвоката; предварительное информирование о теме допроса для активизации памяти; использование наглядных материалов [9, с. 1107–1110]. Эти меры направлены не только на получение более полной информации, но и на защиту прав уязвимого участника процесса. Данные рекомендации имеют универсальное значение и подчеркивают необходимость персонализированного, научно обоснованного подхода к тактике допроса, что напрямую коррелирует с обеспечением достоверности получаемых показаний.

Наряду с совершенствованием классических процедурных и тактических методов работы с показаниями современные вызовы требуют учета потенциала цифровых технологий. Если тактика допроса фокусируется на человеческом факторе получения информации, то цифровизация предлагает инструменты для ее последующего аналитического контроля. В этом ключе обозначаются перспективы и риски применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в оценке показаний. Уже сегодня разрабатываются системы, способные анализировать большие массивы текстовых и аудиовизуальных данных (показаний) на предмет выявления противоречий, слабых аргументов, паттернов лжи или предубеждений [10, с. 242]. Пилотные проекты, например, в Шанхае (Китай) или Нидерландах, демонстрируют потенциальную способность ИИ помогать в анализе доказательств [10, с. 242–243].

Однако, как верно отмечает А. Ю. Чурикова, в обозримой перспективе ИИ может выступать лишь помощником, но не заменой следователя или судьи. Сложности связаны с необходимостью формализации социальных, моральных, контекстуальных критериев оценки; рисками ошибок в алгоритмах; проблемой непрозрачности принятия решений; угрозами внешнего вмешательства и кибератак [11, с. 57–59]. Тем не менее развитие технологий анализа данных – объективная реальность. Это ставит перед процессуальной наукой задачу разработки правовых и этических рамок использования подобных инструментов, чтобы они служили цели достижения назначения уголовного судопроизводства, а не становились источником новых ошибок или инструментом тотального контроля.

Таким образом, технологии анализа данных могут стать дополнительным инструментом проверки согласованности (внутренней и внешней непротиворечивости) показаний, но их применение должно быть подчинено общей задаче обеспечения достоверности в рамках государственно-центрированной модели доказывания.

Заключение

Проведенный анализ эволюции статуса и современных проблем, связанных с показаниями, выявил устойчивую зависимость их достоверности от глубинных характеристик процессуальной формы. Это позволяет сформулировать основной тезис, имеющий принципиальное значение для дальнейшего развития доказательственного права. Современное состояние уголовного процесса, формально базирующееся на состязательной модели (ст. 15 УПК РФ), на деле характеризуется устойчивым противоречием между заимствованной состязательной идеологией и сохраняющимися доминирование на досудебных стадиях разыскными (инквизиционными) началами, исторически присущими континентальной системе [12]. Существующее противоречие предопределяет, что механизмы работы с наиболее уязвимым и субъективным видом доказательств – показаниями не могут быть эффективно рефор-

мированы путем простого механического заимствования англо-американских состязательных стандартов.

Основная мысль заключается в том, что правовой режим показаний в современном российском уголовном судопроизводстве должен формироваться не на основе абстрактной, заимствованной состязательности, а исходя из реалий смешанного, следственно-разыскного типа процесса. Это требует отказа от жесткого противопоставления «состязательность vs. розыск» в пользу стратегии эволюционной конвергенции, под которой понимается постепенное внедрение состязательных элементов при сохранении и усилении судебного и государственного контроля как системообразующего начала. Данная стратегия направлена на создание законодательно оформленных элементов состязательности в рамках конкретных производств.

В контексте работы с показаниями такой подход воплощается в двух взаимосвязанных направлениях.

Во-первых, необходима институционализация механизмов, обеспечивающих достоверность и сохранность показаний на досудебных стадиях, где сохраняется «следственная монополия» на формирование доказательственной базы. Ключевым инструментом здесь видится введение института судебного депонирования показаний. Депонирование, осуществляемое следственным судьей по ходатайству стороны с обязательным участием защиты и обвинения, позволило бы зафиксировать показания, особенно уязвимых свидетелей или потерпевших (при угрозе безопасности, тяжелой болезни), в процедурно безупречной форме, гарантируя их последующую допустимость и достоверность. Это не копирование англо-американской модели, а создание адаптированного

механизма усиленного судебного (государственного) контроля за процессом доказывания, отвечающего потребности в сохранении доказательств и нейтрализации обвинительного уклона.

Во-вторых, усиление государственных начал должно выражаться в последовательном утверждении принципа национального интереса как системообразующего ориентира уголовно-процессуальной политики [13, с. 25–26]. Обеспечение достоверности показаний и подлинного равенства сторон [14] в их исследовании является не самоцелью, а условием достижения справедливого судебного решения, что укрепляет легитимность правосудия и отвечает высшим публично-правовым целям. В этом свете развитие «адвокатского расследования» должно трактоваться не как создание «параллельного» следствия по образцу стран общего права, а как законодательная формализация полномочий защитника по формированию альтернативной доказательственной базы в рамках действующей процедуры [15]. Это позволит защитнику эффективно представлять суду доказательства, в том числе показания, опровергающие обвинение, что реализует состязательность в ее материальном смысле, но без разрушения целостности государственно-центрированной модели досудебного производства.

Только такой сбалансированный, эволюционный путь, отвергающий как консервацию инквизиционных пережитков, так и некритическое заимствование чуждых состязательных конструкций, способен обеспечить достоверность показаний, защиту прав личности и в конечном итоге достижение объективной истины в русле стратегических национальных интересов Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конев А. Н. Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России : моногр. М. : Проспект, 2021. 416 с.
2. Азарёнок Н. В., Давлетов А. А., Чарьков А. В. Обусловленность места и роли адвоката-защитника типу уголовного производства // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 198–204. <https://doi.org/10.17223/15617793/494/21>.

3. Шуров А. Ю. Разыскные начала современного уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2026. 34 с.
4. Корчагин М. А. Оценка показаний обвиняемого, данных на предварительном расследовании // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3. С. 43–52.
5. Барабаш А. С. Совершенствование уголовно-процессуального механизма защиты граждан от незаконного насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 17–18 нояб. 2005 г. : в 5 ч. / отв. ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2006. Ч. 4. С. 45–48.
6. Сильнов М. А. О депонировании доказательств как о способе обеспечения уголовно-процессуального доказывания // Проблемы правовой и технической защиты информации. 2023. № 11. С. 103–108.
7. Терехов А. Ю., Латыпов В. С. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 1 (43). С. 115–121. <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.20.58.018>.
8. Россинский С. Б. Собираение и исследование доказательств: каковы критерии их разграничения? // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 2. С. 58–65. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-58-65>
9. Бертовский Л. В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Юридические науки. 2020. Т. 24, № 4. С. 1100–1121. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-4-1100-1121>.
10. Липская С. А. Показания: перспективы применения искусственного интеллекта // Правовая культура в современном обществе : сб. трудов конф., Могилев, 20 мая 2022 г. / Могилев. ин-т МВД Респ. Беларусь ; отв. ред. : И. А. Демидова. Могилев : Могилев институт МВД, 2022. С. 242–246.
11. Чурикова А. Ю. Практика и проблемы регулирования использования технических средств в уголовном процессе // Российский судья. 2025. № 4. С. 56–60. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2025-4-56-60>.
12. Шуров А. Ю. Новый взгляд на противоречие между состязательностью и розыском // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 70, № 2. С. 294–296.
13. Латыпов В. С. Национальный интерес в контексте прекращения уголовного преследования в связи с призывом на военную службу: теоретико-правовой аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. : Право. 2025. Т. 25, № 4. С. 22–31. <https://doi.org/10.14529/law250403>.
14. Асадуллина А. А. Принцип равенства всех перед законом и судом: проблемы и гарантии в уголовном судопроизводстве // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 3 (23). С. 36–42.
15. Давлетов А. А., Азарёнок Н. В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития : моногр. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2023. 528 с.

REFERENCES

1. Konev A. N. Ideological foundations of modern criminal proceedings in Russia : monograph. Moscow : Prospekt, 2021. 416 p. (In Russ.)
2. Azarenok N. V., Davletov A. A., Charkov A. V. Conditionality of a defense lawyer's place and role by the type of criminal proceedings // Tomsk State University Journal 2023. No 494. P. 198–204. (In Russ.)
3. Shurov A. Yu. Wanted beginnings of modern criminal proceedings : dis. ... Cand. of Law. Nizhny Novgorod, 2026. 34 p. (In Russ.)
4. Korchagin M. A. Assessment of the testimony of the accused given at the preliminary investigation // Ural journal of legal research. 2022. No. 3. P. 43–52. (In Russ.)
5. Barabash A. S. Improving the criminal procedure mechanism for protecting citizens from illegal violence by law enforcement officers // Ensuring human and civil rights and freedoms : materials of International scientific and practical conference, Tyumen, November 17–18, 2005 : in 5 parts / ed. by G. N. Chebotareva. Tyumen : Publishing House of Tyumen State University, 2006. Part 4. P. 45–48. (In Russ.)

6. Silnov M. A. On the deposit of evidence as a way to ensure criminal procedure evidence // Problems of legal and technical protection of information. 2023. No. 11. P. 103–108. (In Russ.)
7. Terekhov A. Yu., Latypov V. S. The need to deposit witness and victims evidence in complex criminal cases // Bulletin of Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. Vol. 12, no. 1 (43). P. 115–121. <https://doi.org/10.37973/KUI.2021.20.58.018> (In Russ.)
8. Rossinskiy S. Accumulation and monitoring of evidence: what are the criteria for distinguishing them? // Juridical journal of Samara University. 2025. Vol. 11, no. 2. P. 58–65. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2025-11-2-58-65>. (In Russ.)
9. Bertovsky L. V. Features of interview of elderly people // RUDN Journal of Law. 2020. Vol. 24, no. 4. P. 1100–1121. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2020-24-4-1100-1121>. (In Russ.)
10. Lipskaya S. A. Indications: prospects for the use of artificial intelligence // Legal culture in modern society : collection of articles from a conference. Mogilev, May 20, 2022 ; ed. by I. A. Demidova / Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. Mogilev : Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2022. P. 242–246. (In Russ.)
11. Churikova A. Yu. Practice and problems of regulating the use of technical means in criminal proceedings // Russian judge. 2025. No 4. P. 56–60. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2025-4-56-60> (In Russ.)
12. Shurov A. Yu. A new look at the contradiction between adversarialism and search // Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. 70, no. 2. P. 294–296. (In Russ.)
13. Latypov V. S. National interest in the context of termination of criminal prosecution in connection with conscription: theoretical and legal aspect // Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”. 2025. Vol. 25, no. 4. P. 22–31. <https://doi.org/10.14529/law250403> (In Russ.)
14. Asadullina A. A. The principle of equality of all before the law and the court: problems and guarantees in criminal proceedings // Society, law, statehood: retrospective and perspective. 2025. No. 3 (23). P. 36–42. (In Russ.)
15. Davletov A. A., Azarenok N. V. The criminal process of Russia: historical roots, current state, prospects for evolutionary development : monograph. Yekaterinburg : Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, 2023. 528 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Латыпов В. С. – доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:

Latypov V. S. – Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.01.2026; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 06.01.2026; approved after reviewing 23.01.2026; accepted for publication 19.03.2026.